

Дар. II часть. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Дар. II часть. Владимир Владимирович Набоков

[1]

«О, нет, – ответила Зина. – Книги, романы».

Кострицкий[2] или вроде Кострицкого ухмыльнулся, показав розовую дыру вместо резца:

«Видите ли, жизнь у нашего брата так складывается, что русская книжка, как таковая, попадает не часто. Имя, конечно, слышал, но...»

Тут, разведя руками, он заодно потянулся к пепельнице[3]; основательно, аккуратно, даже с каким-то черным шиком обкусанные ногти говорили о долгих часах[4] ужасного досуга.

«А дяде Борису я писал, и неоднократно.[5] Между прочим, вот умница! Я всегда поражался, сколько этот человек знает, и как интересно, как внушительно... С вашей мамой зато я, к сожалению, не встречался.[6] Да и вообще, все это было весьма и весьма давно. Работа у вас есть?»

«Какую же вы ищете работу?»[7] – спросила Зина, усиленно стараясь побороть брезгливость и заставить себя предложить ему чаю.[8]

Он вдохнул последнюю порцию дыма и, испустив его, занялся истреблением окурка, причем все черты его страшно худого испитого лица[9] исказились бессмысленным минутным напряжением.

«Всякую и всяческую, – сказал он. – Но это не важно. Есть у меня одна страсть и даже, если хотите, профессия. Это – политика. Кое-что я уже наладил, имеются у меня даже... ну не последователи, а, скажем скромно, единомышленники... Но увы, нет ни органа, ни помещения, ни средств. Я дяде Борису писал об этом в Копенгаген, но – увы, оттуда ни ответа, ни привета, а чем это объяснить? В первую голову: халатностью, жеманшизмом[10] русского человека, не понимающего, что без стальной поруки, без огня и меча (Кострицкий поднял кулак), мы в данную эпоху обречены на скотскую смерть. И вместе с тем, ведь – это парадоксально, но это так – ведь я знаю, что дядя Борис, будучи умным человеком, не может не понимать положения».

«Я хочу вас предупредить, – сказала Зина с той грозной веселостью, которая в таких случаях разыгрывалась в ней, – что я с моим вотчимом в прескверных отношениях и совершенно не выношу его идей и речей».

«Ах, да? – сказал Кострицкий. – Ну, знаете, это ваше частное дело. Я сам вот сколько уже лет с ним не видался, допускаю, что он мог очень измениться и перемениться за эти годы. Но меня огорчает, что, по вашим словам, ваш муж так далек от политики. Не представляю, как это возможно в наши дни».

Он замолчал и два раза птичьим тиком (у кого это было так?) натянул жилу на тощей шее, странно кривя рот. Темно-голубая, с зыпом[11], рубашка казалась ему широка, черный костюм лоснился, башмаки были в трещинках, но здорово вычищены.[12]

«Слушайте, хотите чаю?» – скороговоркой спросила Зина, уперевшись руками в диван, на котором сидела.

«Нет, не хочется.[13] Но вот я спрошу вас. Вы недавно приехали из Германии. Вы наблюдали тамошний режим. Хорошо. Объясните мне, почему государственный строй самого чистого, я бы сказал идеального вида, т.о е. сть построенный на горячей любви к родине, на силе духа, на благополучии народа, вызывает в множестве русских, видящих и у себя дома и здесь во Франции лишь развал всего, индифферентизм, жульничество, социальную несправедливость, по чему он, этот именно режим, вызывает в них дикую, животную ненависть? Почему это так? Нет, постойте. Не будем сейчас говорить таких страшных слов, как диктатура или антисемитизм – -»

Дар. II часть. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
«Но, кстати сказать, мой отец был еврей»[14], – звонко вставила Зина.

«Тем более. Оставим все это в стороне. Я сейчас не хочу вдаваться ни в какие оценки, мне просто интересно выяснить, почему так происходит, что мы вечно склонны силе предпочесть любую размазную, а патриотизму – любые интернациональные[15] бредни?»

«Слушайте, – крикнула Зина, – ведь это сплошной вздор. Как можно на это ответить?»

«А я вот сейчас отвечу – –»

«Но вы исходите из того – –»

«Нет, позвольте, отвечу. Отвечу так. Хорош ли сам фюрер или не хорош, совершенно не важно: решит история; важно, и весьма даже важно то, что мы, по врожденной интеллигентской трусости и критиканству, физически не можем переварить какой бы то ни было конкретный строй, основанный на силе и чести. Мы боимся силы, какую бы она ни была. Добрая или злая. И моя политическая мечта – это заставить людей через огонь и меч переродиться, закалиться, так сказать, и увидеть в силе друга, а не врага».

«Боже, какая чушь», – повторила Зина.

«Докажите», – сказал Кострицкий и закачал ногой.

Она застонала, выбирая какое-нибудь слово побольнее да попроще, но он уже продолжал.

«Вы меня все-таки[16] не возненавидьте, Зинаида... Марковна...[17] Я частной ненависти не хочу. Пришел тип с улицы, назвался свояком и стал говорить страшные вещи. Понимаю. Но я-то сам, видите ли, слабый, очень больной. У кого это, вот вы литературная дама, у Чехова, что ли, написано: „У меня внутри перламутровое чувство“? Переливается и мутит. Словом, язвочка желудка.[18] И масса личных огорчений! Ну да все равно. Вы сколько платите за эту квартиру[19]?»

«Недорого, около тысячи», – ответила Зина и вздохнула.

«Мебель – ваша», – определил он и вздохнул тоже.

Донесся знакомый раздраженный звук туговатого ключика. Зина, сидящая почти против растворенной двери, слегка наклонила голову на сторону, чтобы лучше увидеть через этот проем крошечную прихожую. Дверь на лестницу и мокрый макинтош мужа.

«У нас гость», – крикнула она с напускной оживленностью.

«Ага», – не сразу откликнулся князь[20] из прихожей, и по его тону и по тому, как он, как бы заслонясь[21] собственной спиной, медлительно и злобно казнил повешеньем артачливое пальто, Зина поняла, что он пришел домой в одном из тех настроений, когда он мог нагрубить.

Он[22] вошел, щурясь и приподымая плечи и уже полезая за папиросницей. Каков бы он ни был в молодые годы[23], это был теперь крупный, чуть что не дородный, сорокалетний мужчина с густыми, жесткими, коротко остриженными волосами и шероховатой розовостью на шее и на щеках. Тяжелый, рассеянный, по-волчьи переливчатый и уклончивый блеск в темных глазах, странно натянутая кожа лба, диковатая белизна зубов и горб тонкокрылого носа, а, главное, общее выражение усилья, надменности и какой-то насмешливой печали, – обыкновенно производили впечатление почти отталкивающее на свежего человека и особенно почему-то на таких, кто был без ума от его книг, от его дара.[24] В его облике находили что-то старомодное, крамольно-боярское в грубом забытом смысле[25], и в совмещении с силой его движений, с писательской сутуловатостью, с неряшливостью одежды, с легкой поступью, которую можно было бы назвать спортивной, если бы это слово не спорило с угрюмой русскостью его лица, эта его осанка была тоже с первого взгляда неприятна и даже несносна.

«...Что-то вроде моего кузена, – пояснила Зина. – Племянник Бориса Ивановича.

Дар. II часть. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Простите, я не совсем поняла вашу фамилию. Кострицкий?»

«Так точно, – сказал Кострицкий. – Михал Михалыч».

Пожав гостю руку, Федор Константинович сел, закурил, искоса взглянул на полурастворенное окно, за которым летний [26] день вечерел и растворялся в дождь и облака [27], а ветер возился с резиновой зеленью кленов.

«Господин Кострицкий думал, что ты пишешь политические статьи во французских газетах», – сказала Зина.

«Да, я уже слышал эту легенду», – медленно и без улыбки проговорил Федор Константинович.

«У нас был сильно-политический разговор», – добавила она.

«Позвольте-ка все-таки разобраться?, – обратился Федор Константинович к Кострицкому. – Ведь я вас где-то видел. На каком-то собрании. И слышал».

«Возможно, я последнее время выступал довольно часто. Может быть, у „Независимых“?» [28]

«Не знаю. Вы говорили громко. Это все, что помню». [29]

«Но вы не совсем справедливы, Зинаида Марковна. Напротив, я очень осторожен. Я подчеркивал, видите ли, что никаких оценок не делаю. Мой тезис прост: прежде всего для правильного подхода к пониманию современных эволюций власти человеку русскому, рыхлому, мечтательному, интеллигенту, надо переключиться, отказаться совершенно от всех предпосылок его закоснелых симпатий и антипатий, и тогда, только тогда спросить себя, нет ли в том [30] выражении народной и индивидуальной силы, которую он априори так презирал, нечто [sic!] благотворное, нечто истинное и тем самым спасительное в отношении к русскому делу, единственное, может быть, спасение из хаоса коммунизма, социализма и парламентаризма».

«Спасайся кто может, – небрежно проговорил Федор Константинович. – Скажи-ка, Зина, на кухне есть молоко [31]?»

«Да, кажется», [32] – ответила она испуганно.

Он встал и ушел на кухню. Через минуту:

«Зина, – позвал он. – Иди-ка сюда».

«Простите, пожалуйста», – обратилась она к Кострицкому, и той же скользящей, голенастой походкой, которая у нее была пятнадцать лет тому назад, и так же сгибаемая узкую спину [33], пошла к мужу: «Что тебе?»

Он стоял с расстегнутым воротом, комкая галстук в руке, у кухонного стола [34]:

«Я прихожу домой, – сказал он вполголоса, – после мерзкого дня у мерзких кино-торгашей [35], я собирался сесть писать, я мечтал, что сяду писать, а вместо этого нахожу этого сифилитического прохвоста [36], которого ленивый [37] с лестницы не шугал [38]».

«Федя, что с тобой, успокойся, – зашептала она. – Он сам скоро уйдет».

«Не скоро, а сию минуту. У нас одна комната, и мне негде спрятаться, но, Зина, я просто уйду, если ты его тотчас не уберешь».

«Но я же не могу прогнать человека. Перестань, Федя. Возьми себя в руки. И вообще это не моя вина, я ни при чем, скажи ему сам. Я даже очень прошу тебя. Потому что я вовсе не хочу сидеть и выслушивать его пошлейшие гадости, хотя он страшно жалкий и совершенно мертвый. Послушай, Федя...»

Он опять застегнул воротник и, сильно двигая плечами, ушел в прихожую. Затем хлопнула дверь.

Она вернулась к гостю, все более сердясь на Федора и с ужасом воображая, что

дар. II часть. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
какое-нибудь слово могло допрыгнуть, но тот, стоя у окна, с непритворным
вниманием просматривал газету, оставленную Федором Константиновичем[39].

«У мужа голова разболелась, – сказала она, улыбаясь. – Он пошел в аптеку».

«А я у вас засиделся, – сказал Кострицкий. – Вот один из моих любимых
каторжников, – добавил он, указывая на славное лицо какого-то министра или
депутата и складывая опять газету. – Слушайте, у меня к вам маленькая просьба.
Так сказать, по семейному праву. (Опять сбоку мелькнула затянутая прозрачной
пленкой слюны[40] розовая дыра.) Хочу вас, кузина, подковать на десять франчей –
с обязательной отдачей послезавтра».

«У меня только семь с сантимами, – сказала она, быстро порывшись в сумке. –
Хватит?»[41]

«Мерси, – сказал Кострицкий. – Шляпы, кажется, не было. Был портфель. Вот он. Я
как-нибудь вечером приглашу вас с мужем в кафе, и мы потолкуем по-настоящему».

[2]

Заключительная сцена к пушкинской «Русалке»[42]

Князь

Откуда ты, прекрасное дитя?[43]

Дочь

Из терема.

Князь

Где ж терем твой, беглянка?

Дочь

Где ж быть ему?

На дне речном, конечно.

Князь

Вот так мы в детстве тщимся бытие
Сравнять мечтой с каким-то миром тайным.
Как звать тебя?

Дочь

Русалочкой зови.

Князь

В причудливом ты, вижу, мастерица.

На, поиграй деньгою золотой.

Дочь

Я деду отнесу.

Князь

А кто ж твой дед?

Дочь

Кто? Ворон.

Князь

Будет лепетать... Ступай.

Да что ж ты смотришь на меня так кротко?

Нет, опусти глаза! Не может быть.

Должно быть, я обманут тенью листьев,

Игрой луны прозрачной; мать твоя

В сосновой роще ягоду собирала

И к ночи заблудилась. Я прошу,

Признайся мне... Ты дочка рыбака,

Должно быть, – да,

Он заждался, тебя он, верно, кличет.

Поди к нему...

Дочь

Вот я пришла, отец.

Князь

Ты наваждение...

Дочь

Полно, ты не бойся.

Потешь меня. Мне говорила мать,

что ты прекрасен, ласков и отважен.

Восьмой уж год скучаю без отца,

А наши дни вместительнее ваших

и медленнее кровь у нас течет.

Дар. II часть. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

В младенчестве я все на дне сидела,
И вокруг остановившиеся рыбки
Дышали и глядели. А теперь
Я часто выхожу на этот берег
И рву цветы ночные
Для матери: она у нас царица,
«Но, говорит, в русалку обратясь,
Я все люблю его, все улыбаюсь[44],
Как в оны дни, когда на свиста зов?[45],
К нему, закутавшись в платок, спешила
За мельницу...»

Князь

Да, этот голос милый
Мне памятен, и вздох ее, и ночь...

Дочь

Отец, не хмурься, расскажи мне сказку.
Земных забав хочу я[46]. Научи
Свивать венки, а я зато... Ах, знаю, –
дай руку. Подойдем поближе. Видишь,
Играет рябь, нагнись, смотри на дно.

Князь

Ее глаза сквозь воду тихо светят,
Дрожащие ко мне струятся руки.[47]
Веди меня в свой терем, дочь моя.
(Шагнул? к реке.)

О, смерть моя![48] Сгинь, страшная малютка!
(Убегает)

Русалки

Любо нам порой ночную
Дно речное покидать,
Любо вольной головою
Высь речную разрезать.[49]

Одна

Между месяцем и нами
Кто там ходит по земле?

Другая

Нет, под темными ветвями
Тень качается в петле.[50]

Третья

Кушаком да сапогами
Это ветер шевелит,
Скрылся месяц – все сокрылось,
Сестры, чу, река бурлит.

Все

Это гневная царица,
Не дождавшись мертвеца,
Лютой мукой дочку мучит,
Упустившую отца.

[3]

Какая она изящная, жалкая, и что у нее один любовник за другим, и все
бедняки.[51]

[...]

«Ах ты, Боже мой, Феденька, не нужно, – говорила она тихо и с какой-то
рассеянной [машинальной, увещательной][52] интонацией, как бы думая о чем-то
другом, но тоже незначительном, – ну, право же».

Встречи с Колетт[53]

Все в ней – ударило, рвануло,
До самой глубины прожгло,
Все по пути перевернуло[54],
Еще глагольное на гло[55],
На гладком и прямоугольном,
На чем? На фоне мглы моей.

Дар. II часть. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Он обернулся и она обернулась.[56] Он сделал шесть шагов к ней, она три шага, такой танец, и оба остановились. Молчание.

Прямой и прозрачный уровень ее глаз приходился ему по узел галстука.

«Сколько же?» – спросил Федор Константинович.

Она ответила коротко и бойко[57], и, слушая эхо цифры, он успел подумать: сто[58] франков – игра слов, увлекается[59] – и рифма на копье под окном королевы. И я ответил: «многовато», хоть дал бы арараты злата, хоть знал, что жизнью заплачу, коль надобно, – а получу.[60] Уже отворачиваясь – только угол глаза, сейчас, и он она? уйдет, ясно произнесла: «Eh, bien, tant pis!»[61] – так учительница музыки заставляла ударить пальчиком-молоточком, когда я клавишамкал.

Как только уступил, она двинулась, быстро и тесно перебирая каблучками, и панель сразу стала страшно узкой и неудобной, и потом, тронув Федора Константиновича за локоть, она повела его наискось через улицу, – поводыренок и громадный, угрюмый, ликующий, грозный слепец. Удобства жизни: прямо с улицы дверь, желтенькая прихожая с загородкой, кивнула служащему, номер двенадцать, – и под заветный звук длинного звонка

[...][62]

Поднялась по крутой лестнице[63], вертя узким, проворным, откровенным задком.

«La vie parisienne», но без шляпной картонки.[64]

Честно обменялись именами: «Ivonne. Et toi?»[65] – «Иван».[66]

Такая комната. Видавшее виды зеркало и несвежая, но прилежно выглаженная простыня – все как следует – и рукомойник с волоском и монументальный подмывальник.

Пародия горничной получила за номер да на чай, и, переходя к ней, деньги обращались тоже в подделку, в жетоны домашних игр, в шоколадные монеты. Enfin seuls.[67]

Легкая, маленькая, с блестящей черной головой, прелестные зеленоватые глаза, ямки, грязные ногти – это дикое везенье, это совершенное счастье, не могу, я буду рыдать.

«Ты прав, – сказала она. – я неряшлива».[68]

И принялась, напевая, мыть руки. Напевая и кланяясь, взяла ассигнацию.

И так хотелось жить, чтоб звука не роняя...[69]

Все-таки осторожно: как писал смуглый подросток, г. Брокгауз, он же пятнадцатилетний Эфрон[70], – на коленях, в углу кабинета.

Перехитрить или все равно?[71]

«Ты молода и будешь молода...»[72]

Замечая, предвидя, уваживая и уважая его нежность, она спросила, снять ли краску с губ?[73] Впрочем, это случилось при втором свидании. В первый раз было не до того.

«Какая же ты хорошенькая!»[74]

Серьезно и вежливо поблагодарила за предисловие, загибая, завертывая книзу, к щиколоткам, паутину чулок.[75] Ее тоненькая спина и мутный курсив, раздираемый чернью, отразились в зеркале.

Невероятность того, что это громадное, плотное, слепое – не знаю, как назвать, – счастье, мука, аллея в далекой юности, – может вместиться в этом маленьком теле. Я сейчас умру. Выжил – но с каким стоном![76]

Пауза. Комментируя деталь происшедшего, она сказала со смешком:

«Ну и смышлен (maîin) был тот, кто изобрел этот фокус (ce truc-là)». [77]

Она не спешила одеться, и, слушая ручную музыку, поднимавшуюся с улицы [78], стояла голая между стеклом и вялой, грязной кисейной занавеской, ступня на ступне, сквозя в желто-серой кисее. [79]

Für die Reine alles ist Rein. [80]

Между тем, он присел на непочатый край обманутой постели и стал надевать удобные родные башмаки: на левом шнурки не были развязаны.

Когда вышли и расстались, сразу повернула в магазин. Весело: «Je vais m'acheter des bas!» [81] – которое произнесла почти как «бо» – из-за аппетитного предвкушения.

[Второе свидание. Приезжала дважды в неделю из Медона. [82] Отец садовник. Потом условились о третьем. «Я никогда не подкладываю кролика». [83] Но пришлось уехать – и больше никогда.] [84]

[4]

В чем, собственно, дело? Почему он стоял на углу и ждал, надеясь на случай (только то, что в слово нрзб и там же – но ведь прошло около года), когда мог условиться о встрече – адрес был записан, он знал его наизусть. И кто она? Девочка в кавычках, средней стоимости, для него, вероятно, с надбавкой, потому что он грустен и пристален, а, главное, явно одержим воображением (которым можно воспользоваться). Но письмо, тупая точность письма, невыносимое усилие отправки, штемпель той вторичной жизни, которая для других – настоящая жизнь, – все это установило бы сознательную связь между вольным волшебством случая и той популярной реальностью. Всякая такая связь нарушила бы и волшебство и свободу – так что мысль о включении случая в строй общепринятой жизни была невыносимо ужасна: повторенное молвой тайное прозвание [85]. Он прозвал жизнь по-своему, и малейшая уступка общему миру обратила бы в очевидную пошлость тайную его собственность.

Волшебство чистого случая, иначе говоря, его комбинационное начало, было тем признаком, по которому он, изгнанник и заговорщик, узнавал родственный строй явлений, живших в популярном мире заговорщиками и изгнанниками. По законам этого ритма прелесть ее прозрачных стрельчатых глаз, звонких ударений среди воркующей речи, прелесть плеч, локтей и пальцев маленьких ног, шевелящихся и подгибающихся в потемневшем носке подтягиваемого чулка, а, главное, прелесть ее полного незнания своей истинной прелести, было единственно важным, и обращали так называемые реальные подробности ее бытия (трупное уныние той комнаты, процедура платы, ее рассказ о типе, который на той неделе пожелал, чтобы гнилая [86] горничная стояла и смотрела [87]) в беллетристические подробности [88] более или менее ценные, но никак не могущие возбудить то нравственное отвращение, которое они бы возбуждали, попади они обратно в строй общепринятой жизни, породившей их. Безумие нежности, восторг преобразования, благодарность блаженному случаю – да, все это и еще то, что в плане сознательном эта игра – ибо игра случая значит, что случай играет, как говорят «море играет» или «играет зной», – эта игра служила для него единственным способом злорадно примириться с тем, что называлось грязью жизни, с тем, что волшебным переставало быть пыткой, как только начиналась игра. И потому, что он не мог ей написать, и потому, что он не мог забыть ее прелесть, совершенную предупредительность ее равнодушия и совершенное воплощение собственных чувств [89], мощь, как бы осязаемую толщину счастья, его тяжесть, неуклюжее сиротство (по сравнению с ее малостью и простотой) и затем такое его кипучее и полное освобождение [90], – по этим никому не объяснимым причинам и причинам причин он продолжал ходить и ждать ее появления на том углу [91], где он однажды встретил ее.

И самое замечательное (вдруг почувствовал), что и теперь он форсирует случай, вовлекает его в серию, то есть обратно в «реальную» жизнь, что, в сущности, это только меньшая степень того же ограждения и опошления, как если бы он писал ей, устанавливал бы что-то, подписывал как-то письмо и т. д. – и потому если бы она сейчас появилась, то сама попала бы в серию, и он (так далеко ушед в воспоминании и воображении от всего того, что могли бы видеть в ней другие) увидел бы с той трезвой пошлостью, которой отмечены такие «прозревания»,

Дар. II часть. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru «разочарования», «возвращения на землю» (на какую, на вашу, скоты и тени, на эту призрачную бутафорскую «панель большого города»? – Вот это «действительность»? Это общее место – мне место?), которой, да-с, так-с, говорим мы, они отмечены и хорошо отмечены в популярной жизни и популярной литературе, и принужден был бы, как под рукой сапожника складчатая голова щенка, во сто крат более породистого, чем его хозяин, нагнуться к собственной кашке и увидеть в Ивонн[92] шуструю шлюшку[93], досуха высосанную червем-сутенером[94], захватанную немытыми руками пожилых парижан, обработанную мохнатыми ногами торопливых забавников между пятью и шестью часами вечера, с заразой снутри сургучной губы и с тленом в резиновом лоне.

Русская словесность, о русская словесность, ты опять спасаешь меня. Я отвел наваждение лубочной жизни[95] посредством благородной пародии слова. Она будет максимально горькой в книжке[96], если придет, но она не придет. Она[97] не придет не из-за этого «будет», а из-за моего «была». О, русское слово, о соловое слово, о западные[98] импрессионисты!

И мимо столиков железных,
все пьющих рюмочками губ
сок завсегдаев полезных[99], –
за светлым трупом темный труп.[100]
И мимо палевых бананов[101],
рекламных около живых,
и многоногих барабанов
твоих уборных угловых,
Париж! я ухожу без гнева
с небывшего свиданья[102] в мир,
где дева не ложится слева...[103] –
Разумной рифмы не оказалось при переключке, и собрание было распущено, а сколько раз он давал себе зарок не соблазняться возможностью случайного сброда образов, когда вдохновенье только рябь[104] на поверхности, а внутри не тем занят, совсем не тем.

Гнев был – и потому, может быть, рифма не вышла. Он возвращался домой и не знал на кого сердиться за то, что она не пришла. На случай, который иначе не был бы случаем? На себя, который иначе не был бы собой? На нее? Но[105]

[...][106]

«Ладно, столько же, но я буду *trebovate*lney[107]».

«*Tout ce que tu veux*», – ответила она ловко и спокойно, *posément*[108].

«*Tiens!*[109] – воскликнула она очень довольная. – Тот же двенадцатый номер!»
Гнилая горничиха.[110]

[5]

Как бы умножить ее? Отраженьями, переходами.[111] Длитель и откладывать.[112]
«Торопит миг...» – тем торопит, что – пятистопная среди александрийских.[113]
Предоставив хлопотам ее холодных пальчиков свое время, свое сиротство, он почувствовал, что это опасно, сейчас все потеряет, и молча перешел к другому. Там у нее был небольшой желтоватый синяк, и сызнава подступило... Призма, призма, умножь! Не зная, как быть, ладонью низко пригнул ее маленькую голову со щелочками в мочках невинных ушей и серьезными, с рассеянными [*sic!*] глазами, вручил то, что было сейчас жизнью, искусным[114] устам, раскрывавшимся с задержкой, но опять забродило и пришлось прервать.

«Я обожаю тебя», – произнес он вслух, безнадежно.

Медленно поцеловал ее в нагретые губы.

«*Mais toi aussi mon ami?, je te trouve très gentil*», [115] –
снисходительно-дружески[116] (и, вероятно, думает, который час или перестал ли дождь, – и в этом-то ее безнадежном отсутствии весь смысл моего блаженства). Медлить у двери и чувствовать, что оно там. Мое невероятное совершенство – стучаться и наконец войти – и, конечно, – магический обман, – мгновенно оказываешься опять снаружи. Все равно. Переступлю.

Дар. II часть. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
«J'aime l'épée[117] qui brille, le poisson qui frétille et le petit ventre de ma gentille»[118] (Откуда? Сережа Боткин[119] любил повторять).

«В среду, там же».

«Oui, si tu veux, ça me va...»[120]

«Но ты наверное придешь?»

Она ответила, что никогда не подкладывает никаких кроликов, а на другой день, страшно рано, Зина из своей лазури[121] позвонила по телефону, что завтра едет такой-то в Ниццу на автомобиле, и чтобы он приехал вместе, и он приехал вместе, и два слова нрзб между Rieux и Voujou[122] думал, что вот она пришла, и ждет – и не заразился ли[123].

[6][124]

Встречи с (воображаемым) фальтером. Почти дознался. Затем:

Вышел вместе с Зиной, расстался с ней на углу (шла к родителям), зашел купить папиросы (русские шоферы играют, стоя у прилавка, в поставляемые кабаком кости), вернулся домой, увидел спину жилицы, уходящей по улице, у телефона нашел записку: только что звонили из полиции (на такой-то улице), просят немедленно явиться[125], вспомнил драку на улице (с пьяным литератором) на прошлой неделе и немедленно пошел. Там на кожаном диване, завернутая в простыню (откуда у них простыня?) лежала мертвая Зина. За эти десять минут она успела сойти[126] с автобуса прямо под автомобиль. Тут же малознакомая дама, случайно бывшая на том автобусе. Теперь в вульгарной роли утешительницы. Отделался от нее на углу. Ходил, сидел в скверах.[127] Пошел к одним, там ничего не знали. Посидел. Пошел к Ө[128], посидел; когда оказалось, что уже знают, ушел. Пошел домой к сестре, не застал, встретил ее потом внизу. Пошел с ней домой за вещами (главным образом хотел избежать тестя и тещу). Поехал к ней, у нее ночевал в одной постели. (Чепуха с деньгами.) Рано утром уехал на юг. Ее нет, ничего не хочу знать, никаких похорон, некого хоронить, ее нет.

В St.[129] (придумать. Смесь Fréjus и Cannes. Или просто Mentone[130]?). Бродил и томился. Как-то (дней через пять) встретил Музу Благовещенскую (или Благово?[131]). Зимой что-то быстрое и соблазнительное – но ничего особенного – минутное обаяние – ни в чем не откажет – было ясно. Тут сидела в пляжном полу-платье с другими в кафе. Сразу оставила их – и к нему. Долго не говорила, что знает (из газеты), а он гадал, знает ли? Сонно, мерзко.

«У меня в пансионе есть свободная комната».

Потом лежали на солнце. Отвращение и нежность. Ледяная весна, мимозы. Потом стало вдруг тепло (сколько – неделю – длилась эта связь – и стыдно, и все равно вся жизнь к чорту), случайно в роще увидел C.allophrys avis[132], о которой так в детстве мечтал. Страстный наплыв.[133] Все лето, совершенно один (муза занималась сыском[134]), провел в Moulinet[135]. 1939. Осенью «грянула война», он вернулся в Париж. Конец всему, «трагедия русского писателя». А погода...

Последние страницы: к нему зашел кашеев[136] (тот, с которым все не мог поговорить в «Даре» – два воображенных разговора, теперь третий – реальный). Между тем, завывали сирены, мифологические звуки. Говорили, и мало обратили внимания.

Г.одунов-Чердынцев: «Меня всегда мучил оборванный хвост[137] „Русалки“, это повисшее в воздухе опереточное восклицание: „Откуда ты, прекрасное дитя?“ [„А-а! что я вижу...“ – как ласково и похабно тянул Х[138], вполпьяна, завидя хорошенькую.] [139] Я продолжил и закончил, чтобы отделаться от этого раздражения».

К.ашеев: «Брюсов и Ходасевич тоже. Куприн обозвал В.ладислава Ф.елициановича нахальным мальчишкой – за двойное отрицание».[140]

Г.одунов-Чердынцев читает свой конец.

К.щеев: «Мне только не нравится насчет рыб. Оперетка у вас перешла в аквариум. Это наблюдательность двадцатого века».[141]

Отпускные сирены завывали ровно.

К.щеев потянулся: «Пора домой».

Г.одунов-Чердынцев, держа для него пальто[142]: «Как вы думаете, донесем, а?»[143]

К.щеев, напряженным русским подбородком прижимая шарф, исподлобья усмехнулся:

«Что ж. Все под немцем ходим».

(Он не совсем до конца понял то, что я хотел сказать.)

Всё.

Примечания

1

Рукопись на обложке тетради озаглавлена автором. Более поздняя карандашная приписка: «и Русалка».

2

Этот персонаж (Михаил Михайлович) назван по имени русского писателя Михаила Дмитриевича Кострицкого (1887–после окт. 1941), путешественника, автора исторических и приключенческих книг. Известно, что в 1939 году Кострицкий жил в Фергане, в 1941 году был осужден Военным трибуналом войск НКВД (Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Под ред. П. А. Николаева. Т. 3. М., 1994. С. 106). Совпадение имени и фамилии едва ли может быть случайным, поскольку избранный Кострицким псевдоним, М. Д. Ордынцев-Кострицкий, под которым он приобрел известность до революции, сближается с фамилией Федора Годунова-Чердынцева.

3

Вычеркнуто: «отряхнул папиросу».

4

Было: «годах».

5

Далее следовало: «Очень приятно будет, если переселится в Париж».

6

Вычеркнуты другие варианты: «с вашей матушкой, ее-то я вовсе не знаю или, может быть, мельком видел в детстве»; «Вот с вашей матушкой... позвольте, нет, кажется, ни разу не довелось встретиться, если мне память не изменяет, что к сожаленью [...]».

7

Вычеркнуто: «Вы давно безработный?»; «Так вы безработный?».

8

Вычеркнуто продолжение: «но таких встречаешь, должно быть, в часы мужского приема в желтом кресле? [...]». Далее Федор назовет его «сифилитическим прохвостом».

9

Вычеркнуто продолжение: «в серых симметричных пятнах – брился таким он, видимо [...]».

10

Наплевательство, равнодушие (от фр. je m'en-fichisme). Ср. у А. Белого: «...он любил шансонетку, вино и хорошеньких дам и плевал на все прочее; в „жеманфилизм“ вложил пузо, как в кресло...» («Между двух революций», 1934).

11

Застежка-молния (от англ. zip). Зачеркнуто: «с молнией».

12

Вычеркнуто продолжение: «ничем, кроме быть может широкой переносицы да формой глаз он не был похож на Щеголева?».

13

Ранние, зачеркнутые варианты этого места: «Слушайте, хотите чаю? – Спасибо, не откажусь. Если только вас не затруднит... что ж, пожалуй, чашечку выпью, хотя, честно говоря, я предпочел бы просто стакан воды или вина или чего-нибудь такого. – Погодите, у меня там чайник кипит».

14

Было: «я еврейка».

15

Было: «масонские».

16

Вычеркнуто каламбурно-фамильярное: «кузиночка».

17

Ошибка Кострицкого: имя ее отца, как известно из третьей главы «Дара», Оскар Григорьевич Мерц (умер в Берлине от грудной жабы, когда Зине было пятнадцать лет, за четыре года до ее знакомства с Федором Годуновым-Чердынцевым). Это отчество в романе носит другой персонаж, Любовь Марковна, одинокая пожилая дама в пенсне, частая посетительница литературных салонов.

18

Вычеркнуто: «А когда так мутит, это значит рак? Уже два раза меня резали».

19

Было: «эти две комнаты».

20

Зачеркнуто: «Годунов-Чердынцев» и «муж», над которым написано «князь». Грейсон полагает, что слово «князь» вычеркнуто, однако так может показаться оттого, что оно написано поверх другого слова («ответил?»).

21

Было: «довольно долго».

22

Вычеркнуто: «Годунов-Чердынцев», «Князь».

23

Долинин выбрал предыдущий, исправленный Набоковым вариант: «в молодости»

Дар. II часть. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
(Александр Долинин. Истинная жизнь писателя Сирина. СПб., 2004. С. 282).

24

Было: «демонского дара».

25

В. В. Виноградов отмечает, что уже «в 30-е годы XIX в. слово крамола воспринимается как архаизм. Но в начале XIX в. крамола, крамольный, крамольник еще довольно широко употреблялись в стилях стихотворного языка и в исторической беллетристике» (История слов. М., 1999. С. 253). Говоря о «крамольно-боярском» облике Федора (уже названного князем), Набоков, конечно, подразумевает историко-литературные коннотации его фамилии и проводит линию от своего героя к Пушкину, вложившему в уста Царя в «Борисе Годунове» (сын Годунова – царевич Феодор) такие слова: «Противен мне род Пушкиных мятежный...» Грубый забытый смысл определения раскрывается в пушкинских выражениях «упрямства дух» и «крови спесь» («Моя родословная»), сказанных им в адрес предков, которым пришлось «смирить крамолу и коварство». Далее, в сценах с Ивонн, это определение Федора получает развитие и отчасти объяснение в его самохарактеристике как «изгнанника и заговорщика» в «популярной» или «вторичной» реальности.

26

Зачеркнуто: «августовский», «сентябрьский».

27

Возможно, параллель к концовке «Дара»: «завтрашние облака».

28

Вероятно, имеется в виду основанная А. Н. Барановым «Свободная трибуна в эмиграции» – популярные в Париже в 1935–1939 годах собрания под лозунгом «за веру, царя и отечество», на которых обсуждались политические и общественные темы (например: «Еврейский вопрос (Евреи в дореволюционной России; в период революции; в СССР и в эмиграции)», 13 февраля 1938 года; «Беженские вожди», 3 марта 1939 года и т. п.). Газета «Возрождение» печатала анонсы и отчеты этих собраний.

29

Нельзя сказать с уверенностью, что следующая после слова «Независимых» реплика не вычеркнута. Далее вычеркнуто продолжение: «Мысли у него тоже довольно громкие, – просто сердито [sic!] сказала Зина. – По крайней мере, для моего слуха. Сейчас он нес страшную дичь. Михал Михалыч считает, сказала Зина, что в Германии [...]. О том, что у Гитлера рай, идеальный режим».

30

Было: «фашизме».

31

Было: «простокваша».

32

Было: «я принесу. Может быть, и вы [...]».

33

Отсылка к третьей главе «Дара»: «Ее бледные волосы, светло и незаметно переходившие в солнечный воздух вокруг головы, голубая жилка на виске, другая, – на длинной и нежной шее, тонкая кисть, острый локоть, узость боков, слабость плеч и своеобразный наклон стройного стана...» (Владимир Набоков. Дар. Анн Арбор, 1975. С. 200. Далее цитаты из романа приводятся по этому изданию).

34

Вычеркнуты варианты продолжения: «и лицо его выражало мальчишеская [sic] было ужасно» (вероятно, изначально было: «его мальчишеское лицо выражало», затем: «его лицо было ужасно»).

35

Написано над невычеркнутым словом «кинематографистов». В письме к жене из Парижа (почтовый штамп 13 февраля 1936 года) Набоков сообщал: «Пишу четыре, нет, даже пять сценариев для Шифрина – причем мы с Дастианом на днях пойдем регистрировать их – против кражи» (цит. по: А. Бабинов. Примечания // Владимир Набоков. Трагедия господина Морна. Пьесы. Лекции о драме. СПб., 2008. С. 547). В 1936–1937 годах Набоков написал в Париже несколько сценариев для кино (упомянутый в письме Семен Шифрин был известным кинопродюсером Парижа), ни один из которых не был воплощен, и встречался в Лондоне с актером и режиссером Фрицем Кортнером, намеревавшимся экранизировать «Камеру обскуру».

36

Вычеркнуто продолжение: «стоеросого [sic!] пошляка».

37

Можно разобрать вычеркнутые варианты имен: «Тосеин», «Терентьев» и слова: «от которого воняет», «который, который... И...».

38

Зачеркнуто: «Чтоб духа его не было».

39

Последние три слова были вычеркнуты, затем возвращены путем подчеркивания волнистой линией.

40

У Набокова: «слуни».

41

Вычеркнуто продолжение: «Нет, одну секунду... ведь завтра нужно... Погодите... Ах, все равно, еще есть у меня автобусные шесть с полтиной... Ах, знаете что, можете все взять, у мужа есть, я завтра утром достану». Здесь важная профетическая деталь (как затем о шоферах, играющих в кости) – о деньгах на автобус, имеющая отношение к смерти Зины, которая погибла под колесами автомобиля, сойдя с автобуса.

42

Сохранился черновик первой редакции этой сцены на отдельных листах (Papers of Vladimir Nabokov/Manuscript Division. Library of Congress. Box. 13. Folder 29), на котором Набоков попытался воспроизвести пушкинский росчерк. В нем намечены два финала: по одному князь убегает, по другому «бросается в Днепр». В измененном виде и с другой развязкой (князь «исчезает в Днепре») заключительная сцена к пушкинской «Русалке» была опубликована Набоковым в «Новом журнале» (1942. № 2. С. 181–184). Этот текст завершается шуточной ремаркой: «Пушкин пожимает плечами».

43

Слова из монолога Князя, на которых обрывается пушкинский текст. Приведем его заключительную часть:

Печальные, печальные мечты
Вчерашняя мне встреча оживила.
Отец несчастный! как ужасен он!

Дар. II часть. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Авось опять его сегодня встречу,
И согласится он оставить лес
И к нам переселиться...
Русалочка выходит на берег.
Что я вижу!
Откуда ты, прекрасное дитя?

44

Было: «трепещу». Развитие пушкинского текста: «Русалка. И если спросит он, / Забыла ль я его иль нет, скажи, / Что все его я помню и люблю / И жду к себе».

45

Вычеркнуто: «земною девой». Ср. в «Русалке» Пушкина: «Им вольно бедных девушек учить, / С полуночи на свист их подниматься...»

46

Было: «О, будь со мною нежен!»

47

Вычеркнута реплика: «Дочь. Иди же к ней, отец».

48

Было: «Чур, чур меня...»

49

Песня русалок у Пушкина, отсутствующая у Набокова в опубликованном тексте.

50

У Пушкина: «Одна. Тише, тише! под кустами / Что-то кроется во мгле. Другая. Между месяцем и нами / Кто-то ходит по земле».

51

Эта запись относится, очевидно, к Ивонн. На полях чуть ниже написано и подчеркнуто: «Таня». Имя указывает на живущую в Париже сестру Федора Годунова-Чердынцева, о которой известно из пятой главы «Дара», что у нее есть дочь («Мне было так забавно узнать, что у Тани родилась девочка, и я страшно рад за нее, за тебя». С. 391); она также является героиней рассказа «Круг» (1934).

52

Квадратные скобки принадлежат Набокову.

53

Грейсон прочитала эти слова в рукописи как «Встреча и Полёт», приняв «съ» за союз «и»; Долинин исправил ошибку, пояснив, что таким у Набокова первоначально было имя проститутки Ивонн (Истинная жизнь писателя Сирина. С. 287). Действительно, далее в двух местах рукописи можно разобрать перечеркнутые «Colette» и «Колесть», над которыми написано «Ivonne» и «Ивонн» – имя, возникшее после того как Набоков придумал созвучие «Ивонн – Иван» (в более поздней вставке). Вероятно, Грейсон ввело в заблуждение, что второе слово ясно читается с начальной «П» и одним «т» на конце: «Полеть» (Набоков писал букву «ё» без умлаута), тогда как имя Colette в русской транскрипции пишется с двумя «т», как его пишет и сам Набоков в «Других берегах» (в этом автобиографическом романе его носит французская девочка, в которую юный Набоков влюбился на пляже Биаррица). Однако поскольку в рукописи Набоков иногда писал «к» как «п» и поскольку нигде третье имя для этого персонажа не указывается, мы полагаем, что здесь у него описка и это слово следует читать: «Колеет».

(По мнению редакции, замена в тексте Набокова «П» на «К» в имени «Полет» – непозволительная вольность. «Paulette» по-французски означает «маленькая»,

Дар. II часть. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru «крошка», что вполне подходит к характеристике намеченного автором персонажа. Если оно позже изменено на «Колет», то это все, что в данном случае нужно сказать. Ред.)

54

Вычеркнут другой вариант строки: «влетело? и выбило стекло».

55

Схожий ряд глаголов в той же грамматической форме и со схожим ритмическим рисунком находим в четвертой части цикла Ходасевича «У моря» (из сборника «Европейская ночь», 1927), ср.: «Вот тогда-то и подхватило, / Одурманило, понесло, / Затуманило, закрутило, / Перекинуло, подняло...» Описанию неожиданного поэтического порыва, которым посвящены эти строки Ходасевича (как и его «Баллада», 1921), отвечает в «Даре» эпизод (глава первая), в котором Федор на вечерней улице сочиняет «Благодарю тебя, отчизна...», причем в романе используется схожий глагольный ряд: «столкнуло», «прокатилось», «полетело». К этим же стихам Ходасевича Набоков, по-видимому, обращается также в конце наброска сцены с Ивонн в стихах «И мимо столиков железных...».

56

Вычеркнуто другое начало: «Он обернулся, она совсем повернулась, обернулась, полуповернулась».

57

Вычеркнуто после этого: «Сто монет».

58

Нельзя сказать, оставлено это слово («сто» по-французски «cent») или вычеркнуто. В «Лолите»: «Я осведомился о ее цене, и она немедленно ответила с музыкальной серебряной точностью (птица – сушая птица!): „Cent“» (I, 6). Описание свиданий Годунова-Чердынцева с Ивонн в измененном виде, но с сохранением многих деталей (вплоть до тех же французских фраз с той же интонацией), вошли в первую часть «Лолиты», где Гумберт Гумберт рассказывает о своих свиданиях с молодой французской проституткой Моникой в Париже (в «Лолите» также речь идет о «Париже тридцатых годов», I, 5). Долинин, однако, считает, что «в русской версии „Лолиты“ нарративная часть эпизода почти полностью лишена стилистических и лексических совпадений с черновыми набросками „Встреч с Колет“» (Истинная жизнь писателя Сирина. С. 293).

59

Вычеркнуто: «„Закусил удила“ по-французски».

60

Ср. в «Волшебнике»: «И за все это, за жар щек, за двенадцать пар тонких ребер, за пушок вдоль спины, за дымок души, за глуховатый голос, за ролики и за серый денек, за то неизвестное, что сейчас подумала, неизвестно на что посмотревши с моста... Мешок рубинов, ведро крови – все что угодно...» (В. Набоков. Собрание сочинений русского периода. Т. 5. С. 51).

61

Ну ладно, ничего не поделаешь! (фр.)

62

На странице оставлено место для одной-двух строк.

63

Возможно, это предложение, написанное отдельно внизу страницы, – альтернативный вариант, так как до этого сказано, что дверь в комнату вела прямо с улицы. Ср. в

Дар. II часть. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
«Лолите»: «Она повела меня вверх по обычной крутой лестнице...» (I, 6).

64

«Парижская жизнь» (1866) – оперетта Жака Оффенбаха, сюжет которой строится на обмане богатой шведской четы, приехавшей в Париж.

65

Ивонн. А ты? (фр.)

66

Эта строка написана на другой странице, но знаком перенесена в это место.

67

Наконец одни (фр.) Ниже на полях: «восемнадцати лет?»

68

В «Лолите»: «Когда я осмотрел ее ручки и обратил ее внимание на грязные ногти, она проговорила, простодушно нахмурясь, „Oui, se n'est pas bien“, и пошла было к рукомойнику...» (I, 6) Эта деталь – грязные ногти, повторенная в «Лолите», может указывать на помощь Ивонн отцу-садовнику, упомянутому во второй части «Дара», но не в «Лолите».

69

Из стихотворения фета «Сияла ночь. Луной был полон сад. лежали...» (1877).

70

В 1889 году И. А. Ефрон основал акционерное издательское общество «Ф. А. Брокгауз–И. А. Ефрон», выпускавшее крупные русскоязычные энциклопедии.

71

Вычеркнуто после этого: «Все равно».

72

Из «Каменного гостя» Пушкина.

73

В «Лолите»: «...захотела узнать, не стереть ли ей ... слой краски с губ...» (I, 6)

74

В «Лолите»: «Я не мог удержаться, чтобы не сказать ей, какая она хорошенькая...» (I, 6)

75

Далее следовало вычеркнутое продолжение: «Чтобы не изодрались. Объяснила, что так делает после того, как тип изодрал сапогами – ненужный образ».

76

В этом месте можно разобрать несколько густо вымаранных фраз к другим вариантам: «Смерть последовала от разрыва сердца»; «я сейчас умру от разрыва сердца!»; «и в общем несуществующая подушка»; «подушка опять вошла в фокус».

77

В «Лолите»: «Il était malin, celui qui a inventé ce truc-là» («Хитер был тот,

Дар. II часть. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
кто избрел этот фокус». I, 6).

78

Вычеркнуто добавление в скобках: «Тургенев определил бы, что именно». Это ироничное замечание призвано было, очевидно, направить читателя к двум местам «Дара»: к первой главе: «В стук выколачиваемых ковров иногда вмешивалась шарманка, коричневая на бедных тележковых колесах, с круглым рисунком на стенке, изображавшим идиллический ручей, и, вращая то правой, то левой рукой, зоркий шарманщик выкачивал густое „O sole mio“» (с. 69); и к четвертой: «...Тургенев, с его чересчур стройными видениями и злоупотреблением Италией...» (с. 267).

79

Ср. в «Лолите»: «Поразительно быстро раздевшись, она постояла с минуту у окна, наполовину завернувшись в мутную кисею занавески, слушая с детским удовольствием (что в книге было бы халтурой) шарманщика, игравшего в уже налитом сумерками дворе» (I, 6).

80

Для чистого все чисто (искаж. нем. «Dem Reinen ist alles rein»). Подразумевается новозаветная максима: «Для чистых все чисто; а для оскверненных и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум их и совесть» (К Титу, 1:15). Набоков мог иметь в виду эти слова в интерпретации Ницше в «Так говорил Заратустра»: «Для чистого все чисто – так говорит народ. Но я говорю вам: для свиней все превращается в свинью!» («О старых и новых скрижалях», 14. Пер. Ю. Антокольского), а также подразумевать риторические обороты расовой доктрины нацистской пропаганды, широко использовавшей высказывания Ницше и понятия «чистой расы» или «крови» (тема, связанная с образом Кострицкого).

81

Куплю себе чулки! (фр.) в «Лолите» приводится эта же французская фраза, после чего следует: «...и не дай мне Бог когда-либо забыть маленький лопающийся звук детских губ этой парижаночки на слове „bas“, произнесенном ею так сочно, что „а“ чуть не превратилось в краткое бойкое „о“» (I, 6).

82

Мёдон (Meudon), юго-западный пригород Парижа.

83

Имеется в виду разговорное выражение «poser un lapin», французский эквивалент русского «подложить свинью».

84

Эта рабочая запись в квадратных скобках, как будет видно далее, – краткий план развития всей сцены. После нее оставлено место, а ниже – перечеркнутая рабочая запись для начала следующего эпизода: «Всякая сознательная связь с жизнью портила волшебство случая. Поэтому не списался с ней, хотя был адрес. И ждал на углу, только зная день, когда приезжает (дважды в неделю) из-под Парижа».

85

Набоков имеет в виду «своенравное прозвание» из стихотворения Боратынского «Своенравное прозвание дал я милой в ласку ей...» (1832?).

86

Было: «желтоволосая».

87

Вычеркнут другой вариант: «который раз в месяц делал с ней то-то и то-то».

88

Можно разобрать вариант к этому месту: «пятьдесят? пять? описаний тогда бы проникли в роман».

89

Приписка на полях к этому месту: «рассмотреть во втором свидании».

90

Далее вычеркнуто: «дважды, а кажется, что он видался с ней долго и много раз».

91

Над этим словом Набоков поставил знак вопроса.

92

Зачеркнуто: «Колесть».

93

После этого вычеркнуто: «позор цивилизации», «резиновое тело».

94

У Набокова: «сутенором», как если бы он соединил «сутенера» с «тенором».

95

Вместо «наваждение лубочной жизни» было: «шутовские притязания вашего мира».

96

Вместо вписанного сверху «максимально горькой» (с очевидным намеком) были эпитеты: «другой», «страшной».

97

Зачеркнуто другое начало предложения: «Проституточка моя [...]».

98

Вместо «западные» было: «мелкие немецкие».

99

Было: «холодный сок людей безд. ушных?».

100

Было: «За трупом оставляя труп».

101

Затем следовало вычеркнутое: «фруктовых лавок мимо».

102

Цитата из концовки стихотворения Ахматовой «На шее мелких четок ряд...» (1913): «А бледный рот слегка разжат, / Неровно трудное дыханье, / И на груди моей дрожат / Цветы небывшего свиданья».

103

Вычеркнутый вариант последней строки: «где следа, дева, королева...» К этим стихотворным строкам на полях рукописи Набоков сделал две приписки: «Тут стихи

Дар. II часть. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru постепенно переходят в прозу. Федор Константинович возвращается домой», и (против стихов): «в строчку» (то есть записать стихи в строчку – прием, не раз использованный в «Даре»). Рифмы и тематика стихотворения напоминают строки из четвертой части цикла Ходасевича «У моря» («Европейская ночь», 1927), к которым они, вероятно, и обращены. Ср.: «Опрокинул столик железный, / Опрокинул пиво свое. / Бесплезное – бесполезно: / Продолжается бытие». «Рюмочки губ» (по отмеченному у Даля значению: «рюмкою» – «воронкою», «раструбом») указывают на стихотворение Мандельштама «Ламарк» (1932), ср.: «Мы прошли разряды насекомых / С наливными рюмочками глаз». После его публикации в «Новом мире», «Ламарк» обсуждался в эмиграции и, по-видимому, своим содержанием запомнился энтомологу Набокову. Н. Оцуп писал о нем: «Глубочайшая тема мандельштамовской лирики слышится мне в одном из последних его стихотворений „Ламарк“ ...», из которого он привел несколько строф, в том числе с этими строками (Н. Оцуп. О поэзии и поэтах в СССР // Числа. Париж. 1933. № 7–8. С. 239). Любопытно, что именно в 1941 году, когда Набоков работал над продолжением «Дара», в письме к Лафлину (от 10 февраля) относительно состава переводов русских поэтов для сборника «New Directions in Prose and Poetry», в котором он участвовал с переводами Ходасевича, Набоков упомянул «несколько стихотворений Мандельштама» для возможного перевода (Vladimir Nabokov. Selected Letters. P. 37). Кроме того, рекламы и уборные отсылают к собственному стихотворению Набокова «Поэты» (1939), напечатанному под псевдонимом «Василий Шишков» и также обращенному к Ходасевичу: «детей малолетних, играющих в прятки вокруг и внутри уборной...»; «рыданья рекламы на том берегу» (подробнее см. нашу статью «Продолжение следует. Неизвестные стихи Набокова под маркой „Василий Шишковъ“» // Звезда. 2012. № 7. С. 198–223). В рецензии на сборник «Литературный смотр» (1940) Набоков, уничижительно отзываясь на «Распад атома» Иванова, отметил в нем как раз «банальные описания писсуаров». Примечательно, что парижские уличные писсуары часто появляются после этого у самого Набокова в текстах, имеющих отношение к предвоенному Парижу. Кроме «Поэтов» эта деталь также возникает в «Парижской поэме» 1943 года («писсуары / за щитами своими журчат») и в «Воззвании о помощи» 1940 года («...в парижской комнате с видом на милое мутное небо, на бедную роскошь каштана, на черную веспасьянку [то есть будку писсуара – по имени императора Веспасиана, впервые введшего их в обиход в Древнем Риме], оклеенную сине-красным сензано...» / Владимир Набоков. Воззвание о помощи. Определения // Звезда. 2013. № 9. С. 117).

104

Важно, что эта «рябь на поверхности» соотнесена со словами дочери из окончания «Русалки»: «Дай руку. Подойдем поближе. Видишь, / Играет рябь, нагнись, смотри на дно», а эти слова дочери в свою очередь отсылают к главе пятой «Дара»: «Дай руку, дорогой читатель, и войдем со мной в лес. Смотри: сначала – сквозистые места...» (С. 370). Кроме того, сравнение отсылает к пятой главе романа, к тому месту, где Федор схожим образом обдумывает сочиняемые им стихи, как здесь, соблазнившись «случайным сбродом образов»: «...и умер исполин яснополянский, и умер Пушкин молодой... – а так как это было ужасно, то побежала дальше рябь рифмы...» (С. 395). Долинин, приняв «ерь» за «ер», это слово ошибочно интерпретировал как «раб» (Истинная жизнь писателя Сирина. С. 288).

105

Этот абзац остался недописанным: Набоков оставил место для его продолжения.

106

Ближе к середине страницы проведена отделительная черта, под которой записан вычеркнутый набросок описания соития из следующего далее эпизода:

«До этого. Относится ко второму свиданию.

Не зная, что придумать, чтобы продлить это состояние, он ладонью низко пригнул ее маленькую голову с серыми рассеянными глазами и врос в ее липкие уста, раскрывающиеся нарочно неохотно, но и это было не то, ибо слишком неудержимо начиналось брожение, а хотелось еще пожить, и он перешел к другому, и сзади у нее был желтоватый синяк и слишком быстро опять подступило. Он вернулся к прошлому. Глядя в небо потолка и тихо почил его по воле. Очевидно, «почил по его воле», то есть по воле неба. Я обожаю тебя, сказал он безнадежно и, повернув ее к себе, поцеловал ее в сладкие, еще горячие губы. Mais aussi tu ami? très gentil

Дар. II часть. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru – снисходительно-дружески (и, вероятно, думает который час – но в этом-то безнадежном отсутствии – вся [sic!] смысл [было: „сила“] моего блаженства). Она захлопотала [...]».

107

Текст от слов «ладно» до «горничиха» – рабочая запись на верхнем поле. Возможно, Набоков хотел подобрать к русскому слову «требовательней» подходящее французское слово и, чтобы не забыть об этом, написал его в латинской транскрипции.

108

Все, что пожелаешь... степенно (фр.)

109

Вот те на! (фр.)

110

К этой рабочей записи приписка на полях: «Относится ко второму свиданию».

111

Далее в рукописи вычеркнуты следующие строки: «Наверстать потерянное в прошлом, обмануть будущее. Удесятерить ее образ, пока она здесь, живая».

112

Вычеркнуто: «Перекладывать и опять удалять».

113

Из стихотворения Пушкина «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...» (1830?): «Порывом пылких ласк и язвою лобзаний / Она торопит миг последних содроганий!» Это стихотворение написано александрийским стихом (шестистопный ямб с цезурой после третьей стопы). Вместо «александрійских» было: «шестистопных». Вычеркнуто другое начало предложения: «Кем это сказано? «Торопит миг...» У него сказано к жене [...]». По-видимому, Набоков имел в виду, что у Пушкина в первой части стихотворения речь идет о блуднице («вакханка молодая»), а во второй – о жене («О, как милее ты, смиренница моя!»), о которой он говорит в конце: «И оживляешься потом все боле, боле – / И делишь наконец мой пламень поневоле!» К этому месту, возможно, должна была относиться не получившая развитие пушкинская тема различия между близостью с проституткой и с женой, набросанная в рабочей записи, предваряющей встречу с Ивонн: «Какая она изящная, жалкая, и что у нее один любовник за другим...»; и следом – стыдливое увещание Зины (по-видимому, в момент близости): «Ах, Боже мой, Феденька, не нужно, – говорила она тихо и с какой-то рассеянной [машинальной, увещательной] интонацией, как бы думая о чем-то другом, но тоже незначительном, – ну, право же». В последнем завершеном романе Набокова «Взгляни на арлекинов!» (1974) такова же вторая жена повествователя Аннетта, носящая имя пушкинских возлюбленных: «...теперь я рад тому, что никогда не был настолько глуп и низок, чтобы не заметить восхитительного контраста между ее воспаленной стыдливостью и теми редкими моментами сладостной неги, в которые на ее лице появлялось выражение детской сосредоточенности, торжествующего наслаждения, а крошки моего недостойного сознания начинали достигать ее слабые стоны» (Владимир Набоков. Взгляни на арлекинов! Пер., прим. А. Бабилова. Изд. 2-е. СПб., 2014. С. 128).

114

Было: «МЯГКИМ».

115

В этой исправленной Набоковым фразе, по-видимому, пропущено одно или два слова после «aussi»: «А ты тоже дружок?, я тебя нахожу очень милым» (фр.). Начальный вариант был такой: «Mais toi aussi très gentil» («А ты тоже очень милый»).

116

На полях: «Дружба – рифма, любовь – ассонанс [sic] (альбомная эпиграмма)».

117

Вместо этого слова было: «la mort» (смерть).

118

«Я люблю меч, что сверкает, рыбу, что трепещет, и животик моей милой». (Эта французская фраза не раз была исправлена и переписана в рукописи, и за справедливость ее интерпретации ручаться не могу. – А. Б.)

119

В «Бледном огне» есть намек на то, что Кинбот на самом деле является русским профессором Боткиным, фамилия которого дает анаграмму «Кинбот».

120

Хорошо, если хочешь, мне подходит... (фр.)

121

То есть с Лазурного берега (Côte D'Azur).

122

Зачеркнуто: «в Лионе».

123

На полях: «Между первым и вторым свиданиями выяснил, что дело не вышло, и написал об этом жене». О каком деле идет речь – неизвестно.

124

Вверху на полях две записи: (1) «(навеяны встречей с Б., говорившей о „jogger'e“)». Можно предположить, что это нотабене для эпизода с упоминаемой ниже Музой Благовещенской (или Благово), которую Федор встретил на Лазурном берегу и которая, судя по всему, была в романе его парижской знакомой; что же имеется в виду под «jogger» определенно сказать нельзя: у этого слова множество значений – от бегуна трусцой до карманного справочника. (2) зачеркнуто: «Конец» и под этим словом: «Последние главы» (у Грейсон и Долинина ошибочно: «Последняя глава», однако, в рукописи читается: «Последнія главы»).

125

Схожим образом в «Лолите» Гумберт по телефону узнает о смерти Шарлоты под колесами автомобиля.

126

Было: «соскочить».

127

На правом поле: [фальтер распался]. См. нашу статью «„Дар“ за чертой страницы».

128

Здесь у Набокова четко написана буква, напоминающая русскую фиту, но не с волнистой, как должно быть, а с прямой чертой внутри (такая буква существует в ряде кириллических алфавитов неславянских языков). Нельзя сказать, что этим инициалом Набоков обозначил «фальтера»: фита использовалась в русской письменности по этимологическому принципу – только в словах, заимствованных из греческого языка и только на месте греческой «теты», «фальтер» же взят Набоковым

Дар. II часть. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru из немецкого языка (мотылек, бабочка). Возможно, он намеревался написать иное имя, начинающееся на «о», и просто перечеркнул его.

129

Сокращение от Saint в топонимических названиях, например Сен-Тропе на Лазурном берегу.

130

Города Лазурного берега: Фрежюс, Канн, Ментона.

131

Эту фамилию, которая, должно быть, привлекла внимание Набокова из-за возможности ее реверсивного прочтения: «во благо», носит (как отметила Грейсон) вторая жена героя последнего законченного романа Набокова «Взгляни на арлекинов!» (1974). Любопытно, что она появляется в жизни Вадима Вадимовича сходным образом – после того, как судьба отняла у него его первую жену Айрис Блэк, погибшую на парижской улице от рук Владимира Благодзе.

132

Дневная бабочка из семейства голубянок, знатоком которых был Набоков. Здесь намечена тематическая связь со «Вторым приложением» к «Дару»: «Вот она, вот, эта картинная галерея гениальной русской природы – великолепная синева черного „кавалера“, вместе с тигром дающего тропический привкус дальневосточной фауне; оранжевые кончики, почти по моде африканских пьерид, опрятной и стройной „пиротой“ [то есть бабочки из семейства пьерид *Zegrís pyrothoe* (Eversmann, 1832)], красы весенних степей ... небесно-наивные волжские голубянки...» (Papers of Vladimir Nabokov / Manuscript Division. Library of Congress. Box 6. Folder 8). Далее во «Втором приложении» «авис» будет упомянут отдельно.

133

Далее следовало вычеркнутое начало следующего предложения: «Достал сачок».

134

У Набокова – «ссыском», как если бы он хотел сперва написать «ссылка». Нельзя исключить, что слово «муза» ошибочно написано со строчной, а на деле это – упомянутая ранее дама (Муза Благовещенская), чей образ, может быть, призван напомнить стихи фета «Музе» (1882): «Пришла и села. Счастлив и тревожен, / Ласкательный твой повторяю стих; / И если дар мой пред тобой ничтожен, / То ревностью не ниже я других».

135

Деревня в горах, недалеко от Ментоны, где Набоковы провели начало лета 1938 года и где ему посчастливилось поймать редкий экземпляр бабочки-голубянки (Мулине упоминается во «Втором приложении к „Дару“»).

136

Или Коцеев, с фольклорными ассоциациями, призванными, может быть, поддержать сказочную тему «Русалки» или указать на смещение реального плана повествования после смерти Зины (и смерти самого прототипа Кончеева в «Даре» – Ходасевича, умершего 14 июня 1939 года, тогда как действие этих «последних страниц» отнесено к осени 1939 года). Долинин прочитал это имя как «Кончеев» (Истинная жизнь писателя Сирина. С. 283), однако буква «н» во всех словах разборчиво написанного конспекта финала читается ясно (и очень четко – например, выше в слове «Конец» или в слове «конца» в последней фразе), здесь же она отсутствует.

137

Было: «кончик».

Дар. II часть. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

138

«X» – не инициал Ходасевича, как предположила Грейсон (Метаморфозы «Дара». С. 611), а латинская «икс».

139

Квадратные скобки принадлежат Набокову.

140

Имеется в виду «Романс» (1924) Ходасевича, в котором он развил пушкинский набросок «В голубом эфира поле...». «Двойное отрицание» находим в следующих строках Ходасевича: «Догаресса молодая / На супруга не глядит, / Белой грудью не вздыхая, / Ничего не говорит». Подробнее об этом см.: А. Блюмбаум. Маргиналия к «Дару»: прокурор Щеголев // НОЖ/NOJ: Nabokov online journal / Vol. II. 2008. Попытка «обработки и окончания» В. Брюсовым пушкинских «Египетских ночей» вызвала отрицательный прием у критиков.

141

Имеются в виду строки «В младенчестве я все на дне сидела, / И вокруг остановившиеся рыбки / Дышали и глядели», отсутствующие в опубликованном тексте. Замечание Кончеева вновь отсылает к Ходасевичу, к его стихотворению «Берлинское» («Европейская ночь», 1927): «А там, за толстым и огромным, / Отполированным стеклом, / Как бы в аквариуме темном, / В аквариуме голубом – / Многоочитые трамваи / Плывут между подводных лип, / Как электрические стаи / Светящихся ленивых рыб» (Подробнее об истории продолжения «Русалки» и набоковских вариантах см.: А. Бабилов. Примечания // Владимир Набоков. Трагедия господина Морна. С. 625–630).

142

Эта деталь напоминает эпизод в «Других берегах» Набокова, где он описывает свою беседу с Буниным в парижском ресторане: «Я хотел помочь стройному старику надеть пальто, но он остановил меня движением ладони. Продолжая учтиво бороться – он теперь старался помочь мне, – мы медленно выплыли в бледную пасмурность зимнего дня. Мой спутник собирался было застегнуть воротник, как вдруг его лицо перекосилось выражением недоумения и досады. Общими усилиями мы вытащили мой длинный шерстяной шарф, который девица засунула в рукав его пальто» (гл. 13. 3).

143 См. нашу статью «„Дар“ за чертой страницы».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!